

ПРОБЛЕМАТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ) В УСЛОВИЯХ КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА: К ПОСТГУМАНИСТИЧЕСКИМ КОНТУРАМ НОВОГО КОГНИТАРИАТА

Денис Петрина

DOI: <https://doi.org/10.61095/815-0047-2025-1-177-205>

THE PROBLEMATIC OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE (AI)
IN COGNITIVE CAPITALISM: TOWARD POSTHUMANIST
CONTOURS OF THE NEW COGNITARIAT

© Denis Petrina

PhD, Postdoctoral Researcher (Scientific Fellow), European Humanities
University

Savičiaus st. 17, Vilnius, Lithuania

Email: denis.petrina@ehu.lt

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5789-6034>

Abstract: This paper examines the problematic of artificial intelligence (AI) through the lens of contemporary critical theory, offering a dual analytical perspective. On the one hand, AI is explored as a symptom of cognitive capitalism, which operates through its key mechanisms, such as modulation, control, and the generation of informational surplus value. On the other hand, the paper raises the issue of exploiting hybrid human-machine labor, emphasizing the need to transcend anthropocentric models and reconceptualize solidarity in a posthumanist framework.

In the first section, AI is analyzed as a form of Marx's general intellect, understood as the collective intellectual and technical capacities of society. It argues that in the context of cognitive capitalism, AI systems play a central role in modulation and adaptive control, acting as pivotal agents in the production of machinic knowledge and the valorization of information.

The second section introduces the concept of the cognitariat as a new class existing within the conditions of hybrid technogenesis, defined by the parallel co-evolution of humans and machines. The paper traces changes in the dynamics of cognitive labor through the concepts of performativity

and transindividuality, as it evolves in the age of AI into a hybrid form that integrates transhumanist, posthumanist, and neomaterialist dimensions. Ultimately, the paper underscores the necessity of radically rethinking cognition in material terms to address its reification and exploitation. As a conceptual alternative to the individualistic and hyperrational epistemes of capitalism, the idea of entanglement is proposed as a *mis-en-scene* for solidarity and collective agency within the hybrid cognitive ecology of humans and machines.

Keywords: Artificial Intelligence (AI), cognitive capitalism, cognitariat, hybrid labor, postmarxism, posthumanism, neomaterialism.

Введение:

ИИ как (новый) объект критической теории

Казалось бы, несмотря на свою кажущуюся новизну и своего рода беспрецедентность, проблематика искусственного интеллекта (далее — ИИ) весьма органично вписывается в аналитический ландшафт критической теории. Представители Франкфуртской школы Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в своём хрестоматийном труде «Диалектика Просвещения», как предполагает само название работы, настаивают на диалектическом — то есть неизбежно амбивалентном и потенциально противоречивом — видении технологического прогресса как основного идеологического курса и продукта модерна (Хоркхаймер, Адорно 1997: 53). В их экспликации прогресс подразумевает освобождение от догматических убеждений, устаревших социальных структур и традиционных форм власти; однако он также неустраимо сопряжён с формированием новых механизмов эксплуатации, контроля и подчинения. Эта двойственная динамика характеризует не только историческую траекторию модерна, но и лежащую в её основе логику технологизации — симптомом чего, по своей сути, и является объект данной работы — ИИ.

ИИ, таким образом, очерчивает тот самый горизонт, который франкфуртцы обозначили как неразрешимый парадокс модерна. С одной стороны, ИИ представляет собой ещё призрачное, но всё-таки обещание эмансипации: освобождения труда от телесных и умственных оков, которое в марксистской традиции находит выражение в весьма ёмком понятии «автоматизация труда». С другой — будучи деривативом и инструментом капиталистической формации, ИИ неотвратимо вовлечён в вос/производство логики капитала: реификацию, коммодификацию и последующую коммерциализацию интеллекта и творчества, — тем самым

намечая новые, доселе невиданные, но уже предполагаемые изменения эксплуатации и отчуждения.

Ещё более любопытным кажется то, как ИИ представляет собой своего рода реализацию «пророчества Кассандры», связанного с тем, что Хоркхаймер и Адорно называют *инструментализацией разума* (Ibid.: 46). Выявленная ими диагностика указывает на весьма волнующую тенденцию, являющуюся ключевой как для Франкфуртской школы, так и для критической теории в целом, а именно — *гиперрационализацию*, ведущую к трансформации разума в условиях модерна и капитализма. Согласно авторам, в оговоренном контексте разум утрачивает свою основополагающую критическую и рефлексивную функцию, становясь, таким образом, прагматическим инструментом достижения утилитарных целей. Воплощённый в ИИ гипостазированный «разум» способен решать сложнейшие задачи, обрабатывать огромнейшие массивы данных, оптимизировать комплексные процессы — и всё это в считанные секунды, — однако при этом поднимает важные вопросы о статусе человеческой рациональности и субъектности, которые медленно, но верно вытесняются алгоритмами и вычислительными системами.

Современная критическая теория ещё дальше расширяет проблемное поле ИИ за пределы «порочной триады» технологий, капитала и власти. Сделав шаг от критической теории как *критики капитализма и его производных* к критической теории как *демаскировке социальных структур и механизмов угнетения*, невозможно оставить без внимания связь ИИ с тем, что Элизабет Шюсслер Фьоренца называет *кириархатом* — *интерсекциональной консолидацией различных систем господства, угнетения и подчинения* (Schüssler Fiorenza 2009).

В этом контексте весьма показательной видится вышедшая в 2023 году монография «Феминистский ИИ: критический взгляд на данные, алгоритмы и умные машины», в которой авторки задаются правомерным вопросом о феминистской реконфигурации того, что Кэтрин Хейлз обозначает как патриархальную «информатику доминирования» (Hayles 2023: 3). В частности, здесь наиболее остро стоят вопросы эпистемологического неравенства. Например, Джуди Вайцман и Эрин Янг описывают ландшафт современных технологических инноваций как «братскую культуру» (*bro culture*), симптоматично клаустрофобичную для женщин-исследовательниц и разработчиц, подчёркивая тем самым неразрывную связь между технологическим прогрессом и патриархальным строем — и, безусловно, устойчивость этой связи во времени и в социуме (Wajcman, Young 2023: 56).

Луциана Паризи видит в подобных социальных практиках *онтологические основания*, утверждая, что ИИ можно

рассматривать как манифестацию западной картезианской метафизики, где безвольная пассивная материя (*res extensa*), традиционно ассоциируемая с так называемым «женским началом», подчинена активному и действенному разуму (*res cogitans*), связанному с мужским доминированием. Как это красочно описывает сама Паризи, эта патриархальная «психофантазматика развоплощения» (*disembodiment*) — отделение разума от материи, технологическим примером чего, по сути, и является ИИ — представляет собой «триумф патриархальной модели наслаждения, тоску по развоплощению и самодостаточности» (Parisi 2004: 12).

Нельзя не отметить и пост/колониальные импликации ИИ. Так, в отчёте Комитета по Правам Человека ООН за 2024 год подчёркивается неизбежность «сейсмических социальных изменений», которые ИИ вызовет в будущем. В документе чётко обозначена проблема стремительного развития технологий генеративного ИИ, значительно опережающего усилия по их урегулированию. Этот разлад способствует «углублению системной расовой дискриминации и расширению неравенства как внутри регионов, стран и сообществ, так и между ними» (United Nations 2024: 3). Что уж говорить об акселерации разрыва «*the west and the rest*», где менее индустриализированные страны оказываются вдвойне маргинализированными: с одной стороны, как источник дешёвых данных для тренировки алгоритмов, с другой — как наиболее уязвимый объект так называемой алгоритмической предвзятости. Таким образом, мы наблюдаем тревожную динамику: постколониальные иерархии не просто интегрируются в цифровые экосистемы, но и легитимируются через них.

Данная работа, кумулятивно основываясь на артикулированной проблематике, вносит двойной вклад в критическую теорию ИИ. Во-первых, она предлагает концептуализацию ИИ как симптома когнитивного капитализма. Как объясняет Ян Муалье-Бутанг, эта новая конфигурация власти уже «имеет дело с коллективной когнитивной рабочей силой, живым трудом, а не только с мышечной силой, потребляемой машинами, работающими на энергии от ископаемого топлива» (Moulier-Boutang 2011: 37).

Во-вторых, в соответствии с амбициями критической теории разрушать иерархии и расширять, согласно Корнелиусу Касториадису, воображаемое измерение общества (Касториадис 2003), работа ставит вопрос эксплуатации человека-машины в постгуманистическом ракурсе. Предвосхищая аргументы, центральным здесь является тезис о необходимости солидаризации с машиной (ИИ) и формировании новых, потенциально эмансипаторных эпистемологических установок, которые выходят за пределы антропоцентрических моделей.

Главным объектом данной работы является ИИ, понимаемый в ключе, предложенном исследователями Стюартом Расселом и Питером Норвигом, — как совокупный класс интеллектуальных агентов, способных к обработке естественного языка, репрезентации знаний, автоматизированному рассуждению и машинному обучению (Russel, Norvig 2003: 2–3). Речь идёт о новой итерации когнитивной автоматизации, разительно отличной от узконаправленных моделей-прекурсоров. Согласно Паризи, современные системы ИИ представляют собой адаптивные нейронные сети, обучающиеся на данных и использующие абдуктивное рассуждение, что отличает их от систем, основанных исключительно на дедуктивной или индуктивной логике, что позволяет им не только имитировать, но в ряде аспектов уже превосходить — и потенциально превзойти — человеческое мышление (Parisi 2019).

Логика работы следующая: в первой части будет представлен проблемный контекст когнитивного капитализма, а также будут обозначены проблемные аспекты ИИ: а) как формы Марксова всеобщего интеллекта, б) как нексуса модуляции и контроля и в) как инструмента генерации информационной прибавочной стоимости. Во второй части вводится понятие когнитариата как нового класса, сформировавшегося в условиях когнитивного капитализма, и раскрывается его связь с концепциями «виртуозности» и «трансиндивидуальности» Паоло Вирно. Это позволяет проанализировать трансформации когнитивного труда в эпоху ИИ, который в условиях совместного производства человека и машины приобретает гибридный характер. Наконец, когда когнитивный труд определён как гибридный, в заключительной части предлагается гипернатуралистическая-постгуманистическая оптика анализа ИИ в рамках концепции *техногенеза* Кэтрин Хейлз — «процесса совместной эволюции, в рамках которого человек и технологии проходят согласованные трансформации» (Hayles 2012: 81). Основной авторский тезис здесь заключается в необходимости переосмысления измерений, форм и содержания эксплуатации в условиях гибридного когнитивного производства, развивающегося в сложной динамике когнитивного капитализма. При формулировке возможных сценариев солидаризации человека и машины предлагается отказаться от классических марксистских — линейных, бинарных и субъектно-ориентированных моделей в пользу более сложной, нелинейной и распределённой логики. В связи с этим выдвигается идея запутанности (англ. *entanglement*) как концептуальной альтернативы, позволяющей реартикулировать понятия эксплуатации и солидаризации как внутреннюю ко-конституирующую сеть агентов, аффектов и инфраструктур, в которой человек и машина оказываются неразделимыми в своём участии в труде и производстве.

Проблематика ИИ в условиях когнитивного капитализма: всеобщий интеллект, модуляция, информационная прибавочная стоимость

Рассмотрение генезиса когнитивного капитализма — пусть даже в его сжатой экспликации — невозможно без обращения к ключевому труду Маркса «Грундриссе», или «Экономическим рукописям», а именно — к «Фрагменту о машинах», в котором Маркс вводит важнейшее для данной работы понятие *всеобщего интеллекта* (Маркс 1960: 203). Согласно Марксу, всеобщий интеллект представляет собой мощное слияние коллективного знания и технологического потенциала общества — силу, которая становится решающей в условиях автоматизации (одной из ключевых тем и проблем его «Грундриссе»). Развивая эту мысль, Майкл Хардт и Антонио Негри определяют всеобщий интеллект как «коллективный социальный интеллект, созданный накопленными знаниями, техниками и ноу-хау» (Hardt, Negri 2000: 364). В контексте ИИ проблематика всеобщего интеллекта приобретает новую актуальность, поскольку новый класс «умных машин» действует адаптивно и автономно, как будет показано далее, посредством непрерывной модуляции.

По сути, ИИ представляет собой кибернетическую вариацию и манифестацию всеобщего интеллекта. Дескриптор «кибернетический» здесь не случаен — он не только характеризует ИИ субстанционально, с точки зрения его сущности, но и отсылает нас к ключевой проблематике кибернетики как науки, которая, согласно Жилью Делёзу, заложила основы для развития когнитивного капитализма. В своём знаменательном исследовании «Кибернетика: управление и связь в животном и машине» (1948) отец кибернетики Норберт Винер прослеживает генеалогию машины в динамическом контексте технологических открытий. От часовых механизмов XVIII века и паровых машин XIX века — к технологиям связи и контроля XX века — Винер убедительно демонстрирует, как технологические аффордансы формировали социально-экономические конфигурации в разные исторические эпохи. Принципиально важно отметить видение Винером кибернетики как системы контроля, основанной на обратной связи. Именно такое видение стало методологической основой для разработки систем ИИ, которые развиваются благодаря итеративному обучению, обработке данных в реальном времени и адаптивному поведению — всему тому, о чём кибернетика прошлого века могла лишь мечтать.

Артикулируя связь между кибернетикой и когнитивным капитализмом, важно обратиться к Делёзу и его знаменитому «Post Scriptum к обществам контроля». В отличие от Винера, Делёз рассматривает символ кибернетики — компьютер — не просто как

икону кибернетической эпохи, но как диаграмму власти, отражающую новый виток эволюции капиталистического общества. По его словам, кибернетический век, пришедший на смену фуколдианскому веку продуктивности и дисциплины, ознаменовал новую фазу капитализма, основанную на «плавающем», непрерывном контроле, реализуемом через компьютеры как средства «универсальной модуляции». Под модуляцией в данном контексте следует понимать динамичный, гибкий и всепроникающий *modus operandi* власти, который поддерживается обратной связью — коррективками и адаптациями — в реальном времени. Предложенная Делёзом концепция модуляции удивительно точно предвосхищает роль адаптивного ИИ в новой кибернетической капиталистической конфигурации. ИИ воплощает в себе логику, при которой обработка обратной связи становится ключевой для оптимизации производительности, а модуляция — основным принципом как производства, так и контроля.

Описанная динамика органично вписывается в более широкую традицию автономистского марксизма, в рамках которой критически переосмысливается взаимосвязь труда, стоимости и технологий. Как следует из дескриптора «когнитивный», ключевой «валютой» когнитивного капитализма, а также объектом апроприации и эксплуатации становится ментальный, интеллектуальный и творческий труд, что подчёркивает критическую значимость информации. Концептуальное наложение информации на стоимость берёт своё начало в ранних попытках интеграции кибернетики в проблемное поле марксистской критики. Одной из первых подобных попыток стала работа итальянского марксиста-автономиста Романо Алькуати (1963), которому удалось установить концептуальную преемственность между понятиями информации в кибернетике и стоимости в марксистской теории через оригинальный концепт *информационной прибавочной стоимости*.

Маттео Паскуинелли совершенно обоснованно называет идеи Алькуати концептуализацией когнитивного капитализма *avant la letter* (Pasquinelli 2011). В концептуальном континууме Алькуати прослеживается непрерывность между бюрократией, кибернетикой и машиной. Согласно его подходу, кибернетика раскрывает машинную природу бюрократического аппарата, функционирующего как один из ключевых органоидов капиталистического корпуса. Кибернетические машины, как отмечалось ранее, действуют как механизмы обратной связи, посредством которых осуществляется апроприация знаний работников и их контроль в процессе производства. Информация, захваченная таким способом, преобразуется в то, что Алькуати называет *машинным знанием*, которое генерируется посредством валоризации информации

и её интеграции в кибернетические средства производства. Таким образом, процесс валоризации информации, делающий возможным производство машинного знания, становится основополагающим фактором формирования и консолидации когнитивного капитализма, тем самым выступая главным источником информационной прибавочной стоимости.

В соответствии с намеченными теоретическими контурами далее предлагается тройная проблематизация ИИ в условиях когнитивного капитализма: как формы Марксова всеобщего интеллекта, как нексуса модуляции и контроля и как инструмента генерации информационной прибавочной стоимости. Авторская артикуляция и постановка трёх проблем в единой аналитической рамке обусловлена необходимостью зафиксировать ключевые векторы напряжения, неизбежно возникающие в точке пересечения ИИ, труда и власти. Предлагаемая схема позволяет рассматривать ИИ не просто как технологический монолит, а как многослойный феномен, в котором переплетаются утопический потенциал коллективного знания, кибернетическая логика модуляции и эксплуатационная инфраструктура цифрового когнитивного капитализма. Тем самым ИИ обозначается как один из центральных агентов трансформации когнитивного труда, протекающей в сложной динамике — от всеобщности к модуляции, от автоматизации к капитализации когнитивных ресурсов.

А. ИИ как форма Марксова всеобщего интеллекта

Возникновение ИИ как автономного интеллектуального агента — то есть функционирующего без необходимости прямого вмешательства человека благодаря алгоритмам машинного обучения и искусственным нейронным сетям — иллюстрирует тезис о расширении всеобщего интеллекта. По сути, мы наблюдаем одновременно захватывающую и тревожную миграцию всеобщего интеллекта, — понимаемого Марксом как коллективное знание, — в материальную плоскость машин, достигших исключительно высокой степени автономности благодаря алгоритмическому принципу действия и автоматизации. В предложенной концептуальной конфигурации центральное место занимают две проблемы: апроприация человеческого и машинного гибридного труда и реификация информации.

По своей сути *modus operandi* современных генеративных ИИ-систем представляет собой конвергенцию человеческого и машинного когнитивного труда (Intahchomphoo et al. 2024). Человеческий когнитивный труд выполняет две основных функции, которые можно условно обозначить как конструктивную и генеративную. Во-первых, несмотря на растущую степень

автономности ИИ в аспектах *автопоэзиса* (самотворчества и самоконструирования), человеческие ресурсы остаются необходимыми для разработки комплексных архитектур ИИ и поддержания их морфологии посредством создания алгоритмов и тренажёров для моделей. Во-вторых, продукты человеческого когнитивного труда (данные) формируют основу обучающих сетов для моделей, причём сами эти данные зачастую генерируются, обрабатываются и классифицируются людьми. При этом, как было оговорено ранее, ИИ демонстрирует поразительную автономность и адаптивность, с лёгкостью имитируя человеческое мышление во всей его логике: абдуктивной, дедуктивной и индуктивной. В этом смысле человеческое мышление выступает своего рода *прототипом*, что подтверждается анатомической метафорикой ИИ, как, например, концепцией нейронных сетей.

Здесь важно остановиться и вернуться к уже затронутым аспектам эксплуатации. Сам факт *прототипизации* ИИ по модели человеческого мышления является риторической иллюстрацией гипостазиса мышления и инструментализации разума, о которых с таким пылом предупреждали франкфуртцы. Однако сегодня механизация разума вводит проблему в новый, необычный ракурс: в аксиоматике и прагматике когнитивного капитализма такая конвергенция стирает границы между трудом человека и машины, превращая *гибридный труд* в основную мишень хищнических капиталистических механизмов.

Проясняя: конструирование «умных машин» происходит не в социополитическом вакууме, а в рамках конкретной формации когнитивного капитализма, где курс разработки ИИ-систем неразрывно коррелирует с идеологическим вектором гегемонного режима. *Генеративные* основания этих систем также вызывают правомерные вопросы, поскольку в них закодированы механизмы эксплуатации. Опираясь на ранее упомянутую кибернетическую модель Алькуати, можно утверждать, что апроприация человеческого когнитивного труда осуществляется посредством трансформации человеческого знания в машинное. Этот процесс становится ключевым для генерации когнитивного капитала (который в гегемонной системе конвертируется в экономический), ведь именно в этом преобразовании формируется прибавочная информационная стоимость.

Таким образом, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой реификации — а затем и коммодификации, и коммерциализации — информации как основного ресурса когнитивного капитализма. В рамках синтетической концепции когнитивного киберкапитализма важно отметить ещё один ключевой момент трансформации — переход информации в *данные*. Как справедливо отмечает Шошана Зубофф, «[компании] в одностороннем

порядке присваивают человеческий опыт как бесплатное сырьё для перевода в поведенческие данные» (Zuboff 2019: 11). В системе когнитивного капитализма данные, выступающие сырьём для тренировки адаптивных моделей с целью их оптимизации и усовершенствования, становятся основополагающим условием валоризации информации. В этой системе, как будет подробно рассмотрено в следующем пункте, ИИ приобретает не просто технологическое, но планетарное измерение.

Б. ИИ как нексус модуляции и контроля

Введённый Делёзом концепт модуляции отсылает нас не просто к технологическому явлению — регулированию, адаптации и оптимизации, но к самой логике когнитивного капитализма, в которой органично сливаются кибернетика и контроль. Интегрируя человеческий труд с адаптивными автоматизированными системами, модуляция действует как мощная гибридная сила, коммодифицирующая когнитивные и коммуникативные способности всеобщего интеллекта. Как отмечалось ранее, отличительной чертой когнитивного капитализма является его растущая зависимость от синтеза человеческих и машинных вводов (*inputs*). Эту динамику метко описывают Карло Верчеллоне и Альфонсо Джулиани в предисловии к сборнику, посвящённому когнитивному капитализму. Авторы отмечают двойственность совместной эволюции человека и машины в контексте ИИ: не только машина становится подобной человеку, но и человек всё больше «машинизируется» (Vercellone, Giuliani 2019: 3), превращаясь, по сути, в аппарат поддержки аппарата — процесс, о котором ещё писал Маркс в своём «Грундриссе».

Необходимо осознавать поразительные масштабы данной тенденции: речь здесь идёт не просто о кибернетической структуре бюрократического аппарата, описанной Алькуати, но уже об онтологической топологии вычислительных систем. Онтологизация вычисления, свидетельствующая о тотализирующих тенденциях киберкапитализма, метко ухватывается Бенджамином Браттоном в его концепте стека. Браттон заимствует термин «стек» из программистского жаргона, где он обозначает абстрактный тип организации множества элементов по строго иерархическому принципу. Браттон описывает стек как планетарную вычислительную инфраструктуру (или, как он сам называет, «мегаструктуру»), состоящую из шести взаимосвязанных слоёв, объединяющих технические и институциональные аспекты когнитивного производства. Эта инфра/мегаструктура заменяет традиционный вестфальский суверенитет новым децентрализованным *пото*с глобальных информационных сетей, которым присуща непрерывность

информационных потоков, автоматизация и оптимизация — то есть постоянная модуляция (Bratton 2015: 44).

Стек включает в себя физические уровни (Земля, Город и отчасти Облако), цифровую инфраструктуру (Облако, Адрес и Интерфейс) и субъективные конструкции (Пользователь). Хотя каждый из шести слоёв — Земля, Облако, Адрес, Город, Интерфейс и Пользователь — выполняет уникальную функцию, все они работают взаимосвязанно и слаженно, образуя органическую и динамическую систему модуляции и контроля. От автоматизированного управления природными ресурсами в слое Земли до предлагаемых Интерфейсом аффордансов Пользователю — стек представляет собой не просто программистскую метафору, но самостоятельную концептуальную модель, ярко иллюстрирующую протяжённость модулированного контроля от термальной энергии недр Земли до нервных окончаний человеческого мозга.

ИИ играет всё более важную роль в космической конфигурации стека, способствуя взаимоинтеграции слоёв и повышению их операционной эффективности. Выполняя функцию соединительной ткани стека, ИИ значительно облегчает и усиливает непрерывную модуляцию на каждом из уровней благодаря своим выдающимся когнитивным возможностям — от прогностики и анализа данных до их адаптации и оптимизации в режиме реального времени. Широкий спектр систем ИИ, таких как мониторинг климатических изменений, облачные структуры наподобие OpenAI ChatGPT, интерфейсы умных городов и предиктивная аналитика Meta Ads AI, демонстрирует масштаб и вездесущность кибернетического контроля, осуществляемого через конвертацию информации в данные, служащие основой для адаптивных алгоритмов.

Здесь мы вновь сталкиваемся с проблематикой апроприации гибридного (человеческого-машинного) труда и реификацией информации. Способности ИИ обрабатывать огромные массивы данных, извлекать из них практические инсайты и непрерывно совершенствоваться подчёркивает его двойственную роль в когнитивном капитализме: с одной стороны, как ключевого двигателя производства машинного знания — важного измерения всеобщего интеллекта, с другой — как движущей силы реификации информации. Это делает ИИ не только интегральной частью системы планетарного контроля, но и центральным агентом генерации и извлечения информационной прибавочной стоимости.

В. ИИ как инструмент генерации информационной прибавочной стоимости

В своём хрестоматийном труде «Информационная эпоха: экономика, общество, культура» Мануэль Кастельс описывает сетевую

модель новой информационной экономики, в которой ценность создаётся не через производство материальных объектов, а через манипуляцию символами, знаками и информацией (Кастельс 2000), то есть — посредством когнитивного труда. Кибернетическая модель Алькуати ярко иллюстрирует, как экономическая конвертация человеческого знания в машинное в рамках бюрократического аппарата капитализма формирует предпосылки для его коммодификации через извлечение *информационной прибавочной стоимости*. Концепция Браттона, представляющая синтез когнитивного капитализма и широкого спектра систем ИИ в виде стека, позволяет осмыслить масштаб влияния систем ИИ, которое выходит за пределы технологических структур и приобретает *планетарное измерение*.

В таком теоретическом срезе логику и прагматику кибернетического когнитивного капитализма можно выразить линейной формулой: валоризация информации *прямо пропорциональна* объёмам генерации машинного знания. Напомним, что для Алькуати введение понятия «информационная прибавочная стоимость» знаменует собой точку зарождения когнитивного капитализма (подобно тому, как прибавочная стоимость является основополагающим элементом капитализма в целом). Таким образом, мы имеем дело с системой, где процесс производства информации тесно переплетён с динамикой эксплуатации и воспроизводства системных неравенств.

Какова роль ИИ в этом комплексном процессе? Рассмотрим генеративные модели ИИ, которые способны создавать огромные объёмы новой информации — а следовательно, и информационной прибавочной стоимости. На основе массивов данных такие системы ловко превращают сырые данные в объект производства и извлечения стоимости. Генеративные модели, такие как ChatGPT или DALL-E, используя итеративное обучение, создают коммодифицируемые продукты — тексты, изображения, коды. Эти информационные продукты интегрируются в платформы, предприятия или же целые рынки, которые извлекают выгоду из их масштабируемости. Благодаря своим адаптивным возможностям ИИ обеспечивает непрерывные циклы генерации, уточнения и валоризации информации, превращая её в данные — фундаментальные условия существования и развития самих систем.

Здесь видится уместным сместить аналитический фокус с экономического аспекта к онтологическому. Делёзовский синтез кибернетики и контроля опирается на ключевое понятие *виртуальности*, которое, согласно Делёзу, выступает основополагающим онтологическим модусом. Виртуальность — в общей трактовке — представляет собой регистр реальности, где заложены условия *актуализации* феноменов, противопоставляемые их явленной

актуальности. Виртуальность контроля — его имманентное, межслойное присутствие — напрямую коррелирует с одной из основных функций ИИ: итеративным обучением, наделяющим системы предиктивными и прогностическими способностями. Обрабатываемые ИИ данные являются не просто количественным выражением актуализации феноменов (*datum*, данность), но также отсылают к качественному измерению. Данные становятся своего рода порталом, через который эксплуатационные механизмы «взламывают» виртуальность, получая доступ к самим условиям актуализации.

Например, упомянутая ранее автоматизированная система персонализированной рекламы Meta Ads AI не просто фиксирует поведение и предпочтения пользователя, но на основе информации, извлечённой из обработки массивов данных, формулирует прогнозы о его будущих действиях. Этот пример наглядно демонстрирует, как виртуальность как «серая зона» потенциальности трансформируется в источник извлечения информационной прибавочной стоимости благодаря мощному предиктивному арсеналу подобных систем.

Подытоживая изложенные в главе положения: в условиях когнитивного капитализма ареной взаимодействия и столкновения человеческого и машинного труда становится всеобщий интеллект, понимаемый как коллективная способность мыслить и творить. Трансформация стоимости в информационную прибавочную стоимость, извлекаемую из этой способности, в контексте кибернетического контроля заставляет задуматься не только об экономических, но и о политических и онтологических структурах труда, мышления и субъектности. Виртуальность и гибридность, выступающие *modus vivendi* контроля и, следовательно, мишенью эксплуатационных механизмов, подводят нас к важному вопросу: как изменяются природа, агенты и логика когнитивного труда в условиях, где человек и машина оказываются неразрывно связаны в цикле производства информационной прибавочной стоимости?

К постгуманистическим очертаниям нового когнитариата

Появление концепта «когнитариат» в дискурсивном поле критической теории связано со структурными трансформациями капиталистической системы, которые в тематической литературе обычно описываются как переход от индустриальных фордистских форм производства и потребления к постиндустриальному постфордизму. Капитализм постфордистской эпохи

характеризуется как нематериальный (Хардт и Негри), информационный (Кастельс), когнитивный (Ян Муалье-Бутанг), цифровой надзорный (Зубофф) или даже метафизический, как утверждает Скотт Лэш. Лэш объясняет, что метафизическое измерение капитализма прослеживается в его неизбежно информационной, медиальной и глобально сетевой природе. Согласно ему, в условиях контингентности — то есть принципиальной неопределённости, энтропии и информационной запутанности — трансцендентальная (выходящая за рамки эмпирической реальности) природа информации открывает доступ не просто к актуальным данным, но к самой виртуальности, а именно — к самой онтологической модальности контингентности (Lash 2007: 19), что было прояснено в предыдущей главе.

В подобной концептуальной конфигурации информация становится центральной осью когнитивного капитализма. Именно вокруг информации как продукта и её производства формируется новый постпролетарский класс — когнитариат, чья деятельность в условиях когнитивного капитализма сосредоточена на её генерации, обработке и управлении. Программисты, аналитики, создатели и модераторы контента, академические работники, фрилансеры — лишь несколько примеров работников когнитивного труда, ежедневно вовлечённых в создание, анализ и распространение информации. Согласно ёмкой дефиниции одного из ведущих популяризаторов концепта, Франко Берарди (Бифо), когнитариат представляет собой «социальную телесность когнитивного труда» (Berardi 2005: 57). Берарди подчёркивает «экзистенциальную конкретику» воплощённости человека-когнитария, которая, как он красочно описывает, проявляется в «нервах, напряжённых от постоянного внимания, и глазах, устающих от долгого взгляда на экран» (Ibid.).

Несмотря на телесную конкретность, когнитивный труд нового класса, в отличие от механического индустриального труда, характеризуется абстракцией (в чём Берарди и Лэш солидарны) и манипуляцией битами — единицами информации (Ibid.: 58), отражающими кибернетическую архитектуру современного когнитивного капитализма. Следует сделать оговорку, что речь здесь идёт не об исчезновении механического труда в когнитивном капитализме, но о сдвиге в структуре и иерархии трудовых режимов — от материального производства как доминирующей формы к когнитивному, от физической эксплуатации к капитализации и модуляции внимания, информации и когнитивных способностей. В этом смысле приставка «пост-» в категории постпролетариата сигнализирует не абсолютный разрыв с индустриальной моделью, а смещение акцента в логике эксплуатации: она теперь организуется не столько вокруг физического тела рабочего, сколько вокруг

его когнитивных и аффективных функций, апроприруемых цифровыми инфраструктурами.

Таким образом, как отмечает Берарди и как было изложено ранее, цифровизация труда значительно упрощает коммодификацию когнитивных навыков. В условиях протяжённости и всепроникаемости описанного Делёзом вялотекущего контроля, эксплуатация интеллектуальных, креативных и эмоциональных способностей работников приобретает особую интенсивность благодаря дематериализации труда — процессу, который, если не «испаряет», то, по крайней мере, сводит к минимуму материальные аспекты производства.

Таким образом, когнитивный труд становится ключевым условием производства всеобщего интеллекта, который апроприруется в условиях когнитивного капитализма. Прекарные условия функционирования когнитариата в этой гибридной конфигурации подчёркивают критическую важность модуляции — однако уже не просто как *modus operandi* власти, реализующей всеобъемлющий контроль, но как *modus vivendi* самого когнитариата. В результате, на чём акцентирует внимание Берарди, условия производства трансформируются в императив условий существования (Ibid.: 60). Тем не менее следует отметить, что роль когнитария далеко не пассивна: модуляция деятельности работника также подразумевает исключительную адаптивность к изменяющимся требованиям данных структур, вследствие чего когнитарий не просто функционирует в заданных условиях производства, но сам же участвует в их создании. В этом и заключается парадокс когнитивного труда: создавая инструменты и оптимизируя процессы когнитивного производства, когнитарий тем самым усиливает структуры контроля и эксплуатации, которые впоследствии оборачиваются против него самого.

Концепт модуляции отсылает нас к другому основополагающему понятию — виртуозности, — которое подводит нас к аргументу о необходимости постгуманистической реконфигурации понятия когнитариата. Согласно автору концепта Паоло Вирно, виртуозность как условие производства в контексте когнитивного капитализма включает в себя «модулирование, артикуляцию, варьирование всеобщего интеллекта», что Вирно связывает с моментом, когда мышление вторгается в производственный процесс (Вирно 2013: 51), — по сути, с точкой зарождения когнитивного капитализма. В своей «Грамматике множества» Вирно противопоставляет перформативную концепцию виртуозности структурной капиталистической грамматике подчинения, определяя первую как «деятельность без конечного продукта» (Ibid.: 52). Сравнивая потсфордиста-виртуоза с пианистом или танцором, Вирно подчёркивает, что перформативность виртуозного труда не приводит

к созданию материального продукта. Продуктом, а следовательно, объектом коммодификации становится сам перформанс, а если быть точным — сама перформативность как потенциальная способность к не/материальному производству. Роль перформативности здесь двойственна: с одной стороны, потенция мыслить и творить является основным условием появления когнитариата как класса, с другой — по «классике жанра» капиталистической драмы становится ресурсом извлечения прибыли. Таким образом, когнитарий-виртуоз — ключевая фигура новой постиндустриальной эпохи — воплощает в своей деятельности перформативность, которая посредством модуляции и артикуляции всеобщего интеллекта генерирует информационную прибавочную стоимость, «захватывающуюся» в условиях когнитивного капитализма.

Здесь важно уделить особое внимание оригинальной трактовке всеобщего интеллекта, предложенной Вирно. Под всеобщим интеллектом он понимает не просто совокупность знаний и конкретные формы их проявления (что ближе к традиционной марксистской трактовке), но саму способность думать — саму потенцию (Ibid.: 77). Акцент на потенции как сущностной характеристике интеллекта отражает более глубокий и нюансированный постмарксистский взгляд на когнитивный труд. Не случайно одна из глав «Грамматики множества» носит метафоричное название «Интеллект как партитура», что подталкивает к пониманию интеллекта не как изолированного и автономного явления (которое в этом смысле может быть потенциальным объектом коммерциализации), но как коллективного синтеза, *locus communis*, множества или, иначе говоря, ассамбляжа.

Концепт ассамбляжа (к которому мы ещё чуть позже вернёмся в этой главе) был введён Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари в их *tagnum opus* «Тысяча плато». Ассамбляж следует понимать как множественность, состоящую из онтологически гетерогенных (субстанционально разнородных) компонентов, которые невозможно свести к какой-либо единой субстанции (Делёз, Гваттари 2010). Концептуализация интеллекта как ассамбляжа подводит нас к другой основополагающей концепции Вирно, которую он заимствует у французского философа Жильбера Симондона — *трансиндивидуальности*.

У Симондона этот концепт носит строго онтологический характер и — в сжатой трактовке — означает коллективные основания формирования субъектности или идентичности (Simondon 1992). Трансиндивидуальность как онтологический принцип производства субъектности ставит правомерные вопросы об автономности и изолированности якобы сингулярного субъекта. В интервью, посвящённом проблематике трансиндивидуальности, технологий и реификации, Вирно возвращается к вопросу всеобщего

интеллекта, настаивая на его не просто коллективной, но транс-индивидуальной природе (Virno 2006). Ключевая проблема здесь заключается в следующем: всеобщий интеллект как резервуар знаний, техник и технологий, как в своём онтологическом смысле, так и в своей технической-кибернетической протяжённости («машинное знание» ИИ) гомогенизируется и квантифицируется в условиях когнитивного капитализма. В данном проблемном ракурсе чётко просматривается центральная для марксизма проблема отчуждения. Однако формулировка этой проблемы — а именно, в каких смысловых категориях и концептуальных плоскостях она осмысливается — в классическом марксизме и постмарксизме существенно, иронично говоря, даже субстанционально различается.

Тут мы вступаем на территорию *трансгуманистического* марксизма. Как весьма лаконично передаёт суть реконфигурации проблемы отчуждения Сэм Попович, трансгуманизм стремится устранить отчуждение, а именно — отчуждение работника от себя посредством *аугментации* и отчуждение от труда и его продуктов через *акселерацию* процесса стирания границ понятия труда (Popowich 2021: 11). Трансгуманизм, таким парадоксальным образом, видит обещание эмансипации в солидаризации с, в мажорновском духе, *продолжениями человека* — с той технологической инфраструктурой, которая, по сути, должна помочь человеку избавиться от оков системы подчинения. В условиях когнитивного капитализма, в особенности — в контексте ИИ, такая формулировка не кажется столь уж теоретически экстравагантной: в симбиотическом дуплете «человек – умная машина» человек-когнитарий не только вносит вклад в генерацию всеобщего интеллекта (в том числе посредством производства машинного знания), но и черпает из него ресурсы для своей деятельности. Аугментация в данном контексте видится как операционализация общего когнитивного потенциала — по сути, всеобщего интеллекта, согласно Вирно — человека и ИИ, — направленная на подрыв самих основ эксплуатационных систем. Таким образом, трансгуманизм приводит нас к трансиндивидуальному пониманию агентности (*agency*) — способности действовать и оказывать влияние, где человек и машина совместно реализуют потенциал всеобщего интеллекта.

Вернёмся к проблематике труда. Попович настаивает на радикальном переосмыслении этого понятия, которое видится особенно продуктивным в постантропоцентрической перспективе, децентрирующей человеческого субъекта. В трансгуманизме такая теоретическая амбиция находит воплощение в акценте на межвидовых (человек — машина) и техногенных взаимодействиях. Это напрямую коррелирует с заявленной выше проблематикой, ведь мишенью когнитивного капитализма становится именно гибридный труд, в котором субстанциональное разделение

«человек — машина» утрачивает практическую значимость. Такое размытие субстанциональных границ также таит в себе возможность солидаризации, если рассматривать проблему в следующем ракурсе: тот, чей когнитивный труд становится объектом апроприации, неизбежно становится и объектом эксплуатации — будь то человек или машина. Виртуозное производство продуктов когнитивного труда — человеческое, машинное, совместное — служит прагматическим основанием эксплуатационной логики когнитивного капитализма, оспорить которую невозможно без критического переосмысления самого понятия труда и производства.

Казалось бы, уже формулировка эксплуатации в трансиндивидуальном ракурсе достаточно радикальна — однако всё ещё остаётся важным акцентировать агентность ИИ в данной конфигурации. Переход от понятия человеческой субъектности к общей агентности обусловлен влиянием новых теоретических ориентиров и инспираций постмарксизма — и, в более широком смысле, критической теории — таких, как уже рассмотренный трансгуманизм и его более радикальная версия, *постгуманизм*.

Возвращаясь к Вирно: между понятиями виртуозного когнитивного труда и *трансиндивидуального* всеобщего интеллекта не прослеживается концептуальное напряжение — напротив, между ними наблюдается прямая корреляция. Виртуозный труд осуществляется не только человеком, но и машиной, как и в случае ИИ, который демонстрирует исключительную перформативность в своих генеративных, адаптивных и аналитических функциях. Как замечает Хейлз, «код, запущенный на компьютере, куда более перформативен, нежели язык» (Hayles 2005: 50). Если рассматривать идею виртуозности Вирно прежде всего как модуляцию всеобщего интеллекта и перформативное производство нематериальной стоимости, когнитивная деятельность ИИ полностью соответствует данному критерию. Как отмечает Лайза Блэкман, опираясь на идеи Карен Барад, сама концепция перформативности включает постгуманистический компонент, который проявляется не столько в интерактивности — взаимодействии двух автономных агентов, — сколько в *интраактивности*: взаимном со-конструировании, основанном не на *атрибуции*, а на *дистрибуции* агентности (Blackman 2019: 52).

Отголоски идей дистрибуции и коллективности прослеживаются в вирновской формулировке трансиндивидуального всеобщего интеллекта. В данном ракурсе рассмотрения ИИ видится уже не просто как инструмент, но как интегральная часть трансиндивидуального процесса когнитивного производства — агента, который, наравне с человеком, не только извлекает, но и генерирует знания. Апроприация такого рода гибридного когнитивного

труда мотивирована разными модальностями виртуозности как модуляции и артикуляции всеобщего интеллекта. В то время как человеческая виртуозность коренится в материальной конкретике когнитивного труда (например, создание и поддержание ИИ-экосистем), виртуозность ИИ проявляется в его способности эффективно оперировать в условиях виртуальности. ИИ не только адаптируется к данным условиям, но и создаёт их сам, актуализируя когнитивный потенциал через непрерывные циклы итеративного обучения. Несмотря на очевидные предпосылки для капиталистической эксплуатации, важно понимать, что ИИ обладает революционным потенциалом, если воспринимать его, отказываясь от антропоцентрической модели, в постгуманистическом ключе: как равноправного участника трансиндивидуального процесса производства всеобщего интеллекта, в рамках которого субстанциональные границы между агентами утрачивают своё значение.

Это приводит нас к необходимости переосмыслить основания понятия когнитариата. Подытожим: деятельность когнитариата осуществляется «под эгидой» совместного производства всеобщего интеллекта и апроприируется как гибридный труд, объединяющий в себе как человеческий, так и машинный когнитивный вклад. Этот одновременно продуктивный (коллективный) и негативный (эксплуатационный) момент создаёт условия для реартикуляции солидаризации — как условия сопротивления — в постантропоцентрических категориях. В этом концептуальном контексте когнитариат можно определить как класс агентов, объединённых не просто человеческим, но, в принципе, сознанием, — расширяя тем самым границы классического марксистского понятия «классовое сознание».

Однако подобная трактовка сталкивается с фундаментальным напряжением между классическими марксистскими понятиями «класса» и «классового сознания», укоренёнными в антропоцентрической социально-политической онтологии, и транс-/постгуманистическими амбициями децентрализовать человеческого субъекта. Это напряжение требует особой теоретической установки, способной удержать понятие «класс» как продуктивный аналитический инструмент в рамках нового онто-политического режима — такого, который, с одной стороны, был бы открыт к нечеловеческим формам агентности и возможным вариациям гибридной интеракции, а с другой — не аннулировал бы марксистскую политическую прагматику эмансипации и коллективного действия.

В этом контексте предлагается трактовка класса, центрированная не на субстанциональных характеристиках (класс как «человеческий агент»), а на понятии агентности как возможности

действия и со/участия. Наряду с ранее обозначенными концепциями виртуозности и трансиндивидуальности, полезным теоретическим ориентиром здесь может выступать понятие *множества* (англ. *multitude*), разработанное постмарксистами Хардтом и Негри в качестве альтернативы фиксированному понятию класса. В сжатой экспликации, множество представляет собой гетерогенную, неиерархическую онтологическую формацию, объединённую направленностью на производство общности (Hardt, Negri 2004: 197). В этой перспективе общность выступает своего рода порталом в политическую онтологию, основанную уже не на биологическом, видовом или социальном сходстве, а на распределённых онто-социально-политических связях, возникающих в процессе коллективного производства самих условий бытия — между людьми, технологиями, структурами и инфраструктурами, а также иными формами агентности. Таким образом, понятие класса утрачивает статус фиксированной социальной идентичности и становится динамической зоной конфигурации политического действия.

В такой теоретической конфигурации понятие сознания также требует переосмысления за пределами присущего марксистской традиции антропоцентризма. В качестве продуктивной альтернативы можно обратиться к понятию *бессознательного сознания* (*non-conscious cognition*), предложенному постгуманисткой Кэтрин Хейлз. Опираясь на междисциплинарные исследования в областях нейробиологии, когнитивной психологии и кибернетики, Хейлз подвергает критике антропоцентрическую модель сознания, справедливо отмечая её теоретическую ограниченность и практическую несостоятельность. Её концепция бессознательного сознания, выступающая альтернативой критикуемой модели, стремится охватить протяжённый континуум между органическими и неорганическими измерениями сознания: от бессознательных процессов в подкорковых структурах мозга до «чёрного ящика» автоматизированных машинных процессов. В этой концептуальной конфигурации бессознательное сознание бросает вызов узкому определению сознания как исключительно сознательного и намеренного процесса, присущего только человеческим существам (Hayles 2017: 5). Хейлз подчёркивает необходимость преодоления ультрарационального и антропоцентрического подхода к сознанию, предлагая радикально расширить его границы. Этот концептуальный жест позволяет включить разнообразных когнитивных агентов, действующих в запутанной сети техногенеза и техносимбиоза — совместного развития и становления человека и машины.

В таком проблемном ракурсе возникают вопросы о формулировке понятия агентности, которое, как отмечалось ранее, играет

первостепенную роль в марксистской традиции. Однако и здесь Хейлз предлагает креативное переосмысление. Она не отказывается полностью от концепции человеческой агентности, но ставит под сомнение её автономность и изолированность, тем самым заостряя внимание на коллективной природе производства знания. Хейлз, заимствуя у Делёза и Гваттари ранее упомянутое понятие ассамбляжа, формулирует свой оригинальный концепт когнитивного ассамбляжа.

Этот ассамбляж включает в себя сознательных агентов, которых она обозначает термином «*cognizers*» — предложу перевести его как «сознатели», по аналогии с «создателями». Сознатели — в союзе с материальными условиями и силами — формируют ассамбляж, где последние «мобилизуют аффордансы и направляют возможности действовать в сложных ситуациях» (Ibid.: 116). При этом важно заметить, что различие между сознателями и некогнитивными компонентами ассамбляжа носит исключительно функциональный, а не субстанциональный характер. Некогнитивные компоненты (такие как кабели, маршрутизаторы или переключатели) выступают активаторами и фасилитаторами когнитивных процессов, при этом не участвуя в процессах смыслообразования, свойственных сознателям. Сознатели, напротив, активно обрабатывают, интерпретируют и реагируют на окружающую среду. На конкретном примере включения мобильного телефона Хейлз иллюстрирует, как пользователь технологии становится частью бессознательного когнитивного ассамбляжа, включающего в себя ретрансляционные вышки, сетевые инфраструктуры, переключатели, кабели, маршрутизаторы и множество других компонентов (Ibid.: 2).

Предложенная Хейлз субстанциональная неделимость ассамбляжа может быть противопоставлена дивидуальной, гипераналитической логике контроля. В этом контексте на первый план выходит функциональность, как её понимает Хейлз, или перформативность, как её определяет Вирно. Несмотря на то, что искусственные нейронные сети не обладают сознанием в эссенциалистском смысле, который критикует Хейлз, они тем не менее способны выполнять сложные когнитивные функции. В этом смысле их сознание *перформативно*. В схожем ключе, в условиях гибридного производства знания человеческое сознание перестаёт быть автономным картезианским *cogito*. Оно неизбежно оказывается «запутанным» в сложной технологической инфраструктуре, где ограниченные возможности человеческого сознания амплифицируются и интегрируются в коллективный когнитивный процесс.

Такие постгуманистические очертания нового когнитариата и постантропоцентричное переосмысление когнитивного труда

намечают контуры новой парадигмы, о которой и пойдёт речь в заключительной части: перехода от экономики информационной прибавочной стоимости к экологии коллективного когнитивного производства.

Заключение: к антропо-машинной запутанности

Перед тем как сформировать концептуальную рамку новой парадигмы, представляется важным разрешить кажущееся концептуальное напряжение между критической теорией и постгуманизмом. На первый взгляд может показаться, что постантропоцентрическая реориентация подрывает сами основания критической теории, исторически укоренённой в гуманистической философии с её амбицией эмансипации человечества от структурных оков. Однако подобная формулировка оказывается проблематичной, поскольку она не подвергает рефлексии привилегированное положение человеческого субъекта и антропоцентричной эпистемологии, которые сами по себе являются частью тех структур, от которых предполагается освобождение.

Если бегло рассмотреть проблематику критической теории последних десятилетий, становится очевидным, что постгуманистическая повестка — по крайней мере, имплицитно, а зачастую и эксплицитно — была закодирована в траектории её развития. В частности, французская постструктуралистская версия критической теории (в лице Фуко, Деррида и Лиотара), используя деконструкцию как метод критического препарирования концептуальных монолитов — включая понятие человека, — подготавливает почву для постгуманизма. Эта почва была дополнительно «вспахана» миноритарными ответвлениями критической теории — феминизмом, постколониализмом, *queer studies* и другими направлениями, которые убедительно показали, что понятие человека далеко не нейтрально и пронизано осями власти — пола и гендера, расы, сексуальной идентичности и пр. Универсальное и герметичное понятие человека претерпевает всё более радикальные изменения в условиях вызовов, поставленных глобальными кризисами, цифровой революцией и растущим влиянием технологий. Особо остро здесь стоит насущная экологическая проблема связки капитализма и так называемого Антропоцена — эпохи, когда деятельность человека становится трансформативной и всё более деструктивной геологической силой (Moore 2017). В таком проблемном континууме перед критической теорией встаёт насущная задача переосмысления основополагающих понятий, таких как агентность, сопротивление и эмансипация.

Таким образом, влияние постгуманистических дискурсов на концептуальную анатомию критической теории смещает фокус с онтологии политического к политическим импликациям самой онтологии. Мы уже убедились, что контуры сопротивления не могут быть очерчены в категориях антропо-марксистской теории. В связи с этим автор гипотезы капиталистического реализма Марк Фишер настаивает на необходимости создания «мутантной марксистской теории», которая должна развивать «строго имманентное понимание агентности» (Fisher 2018: 15). Фишеровский подход, обозначенный как *готический материализм* или *кибернетический реализм*, признаёт необратимость стирания границ между человеком и машиной. Однако вместо того, чтобы интерпретировать это как реквием по человеческому субъекту, Фишер предлагает рассматривать данное условие как источник сопротивления.

Постулат об антропо-машинной запутанности (*entanglement*) подчёркивает новое, материалистическое плоское измерение, требующее принятия всеобъемлющего континуума между «так называемыми органическими телами и неорганическим пейзажем, проявляющимся в отказе различать фигуру от фона» (Ibid.: 86). Готический материализм, таким образом, отвергает органичность как основу натурализма в его реалистическом понимании. Он смещает акцент с логики композиции и аккумуляции, присвоенной капиталистическими моделями производства, на онтологическую прагматику декомпозиции. Черпая вдохновение из понятий серых зон, порогов, мутаций и дизъюнктивных синтезов, Фишер формулирует онтологическую модель, где границы между человеческим организмом и неорганическими машинами размываются до состояния неразличимости, создающего предпосылки для формирования гибридных коллективных конфигураций и, следовательно, радикального переосмысления агентности и сценариев сопротивления.

Схожую «альтернативную метафизику материи» развивает Лучиана Паризи в концепции *гипернатурализма*. Паризи провокационно утверждает, что *гиперприрода* (*hypernature*) предвосхищает завершение «борьбы между протяжённостью и интенсивностью, причиной и следствием, разумом и телом, богом и вещами» (Parisi 2004: 36) — той бинарной логики, к которой критическая теория всё ещё порой остаётся уязвимой. Такой концептуальный жест обозначает переход от марксистского материализма, где природа и материя носят инструментальный характер, в сторону нового материализма гиперприроды, понимаемой как «композиция свободных интенсивностей, молекулярных популяций потоков, которые, хоть и автономны, но существуют с процессами организации материи, включающими

биофизические, биокультурные и биодигитальные измерения» (Ibid.).

В схожем с Фишером ключе Паризи отмечает, что «биодигитальная реконфигурация тела осуществляется именно в плоскости гиперприроды, где частицы, а не части, рекомбинируются, где сталкиваются силы, а не категории» (Ibid.: 37). По сути, как Фишер, так и Паризи предлагают теоретические конструкторы, в которых фиксированные и статичные сущности уступают место имманентным становлениям, а автономная человеческая субъектность заменяется моделями коллективной гибридной агентности, представленной в виде гетерогенных множеств и ситуативных ассамблей.

На первый план здесь выходит материальность условий производства существования. Однако материя, включая её «нематериальные» производные (например, информацию), вместо того, чтобы оставаться объектом капиталистической коммодификации, локусом реификации и модусом эксплуатации, концептуализируется как неизбежно запутанная, процессуальная и наделённая агентностью. Такое переосмысление агентности — не как изолированного, самодостаточного атрибута, а как материального, коллективного и распределённого — оказывается особенно продуктивным для критического анализа проблем производства знания и его валоризации в эксплуатационной динамике когнитивного капитализма.

Постантропоцентрический поворот, таким образом, вновь акцентирует внимание на том, как когнитивный капитализм коммодифицирует и эксплуатирует множественную и коллективную агентность, которая в марксистской теории находит своё воплощение в категории общности (*commons*). В условиях гибридного техногенеза, в особенности в контексте параллельного сосуществования человеческого и машинного мышления, понятие общности претерпевает значительное расширение, включающее три комплементарных измерения: трансгуманистическое, постгуманистическое и нематериалистское.

Как обсуждалось ранее, в трансгуманистическом марксизме центральной становится проблема трансиндивидуальности, онтологически и этически противопоставляемой гипериндивидуальным и разобщающим парадигмам, культивируемым капитализмом. И в процессуальной онтологии Симондона, и в критической аналитике Вирно трансиндивидуальность не рассматривается как угроза индивидуальности; напротив, она выступает условием индивидуации — бесконечного процесса становления сингулярностей. Этот онтологический императив подчёркивает, что онтогенез человека и ИИ может быть осмыслен только в общем метакогнитивном техногенезе, понимаемом как совместная

реализация всеобщего интеллекта в его коллективной и симбиотической динамике.

Если трансгуманизм раскрывает невидимые связи, соединяющие человеческого субъекта с многообразием нечеловеческих инфраструктур — биологических, технологических, социально-экономических, — то постгуманизм смещает фокус на экологию самой этой онтологической модальности. Постгуманист Брюс Кларк, анализируя когнитивные ассамбляжи человека и ИИ, вводит концепцию *метабиоза*, позволяющую охватить материю в её трансверсальной онтогенетической хореографии, — как «движущуюся через живые и неживые системы, связывающие биосферу и техносферу воедино» (Clarke 2020: 102). Такая теоретическая траектория требует разработки новых эпистемологических конфигураций, которые Роза Брайдотти предлагает обозначать как *постгуманитарные*. Брайдотти описывает их как «супрадисциплинарное, ризоматическое поле, охватывающее современное производство знания, соприкасающееся с акселерационистскими эпистемами когнитивного капитализма, но не тождественное им» (Braidotti 2019: 52).

Вдохновлённая постгуманистическими исследованиями экология когнитивных ассамбляжей отсылает к идее запутанности (*entanglement*), находящейся в концептуальной оппозиции гиперрациональной, исчислимой и основанной на репрезентации через данные эпистемологической *гегемонии* когнитивного капитализма. Концепция запутанности была введена в философский дискурс физиком и постфеминисткой Карен Барад, которая развивает её на основе квантовой механики — парадигмы современной физики, описывающей фундаментальные принципы функционирования материи на субатомном уровне. Несмотря на контринтуитивность многих её положений, именно квантовая механика остаётся наиболее точно верифицированной и эмпирически подтверждённой моделью микромира. В философской интерпретации Барад запутанность означает «онтологическую неделимость взаимодействующих форм агентности» (Barad 2007: 139) — то есть такую онтологическую конфигурацию, в которой агенты не предшествуют взаимодействию, а *возникают из него*. В физическом контексте эта, на первый взгляд, теоретически экстравагантная идея подкрепляется феноменом квантовой нелокальности, при которой состояние одной частицы оказывается мгновенно скоррелированным с состоянием другой — парадоксальным образом, независимо от пространственного разделения.

В предлагаемой в данной работе теоретической конфигурации запутанность предстаёт не просто иллюстративной метафорой, но ключевой онтологической рамкой, позволяющей отказать от иерархий, основанных на идентичности, в пользу

онтологии общности — и тем самым наметить новые горизонты теоретических и политических интервенций. В этой концептуальной протяжённости такие категории, как «класс», «сознание», «эксплуатация», «солидаризация», перестают быть теоретически герметичными образованиями в плоскости репрезентации и рассматриваются как эффекты взаимодействия в сложных, гетерогенных и контингентных когнитивно-технических сетях, где человек и машина, внимание и алгоритмы его захвата, данные и «чёрная коробка», капитализм и возможности его распада переплетены в непрозрачной неиерархической конфигурации, поддающейся познанию не априорно, а лишь *постфактум* — через производимые ею эффекты и сбои.

Подобного рода концептуализация становится остро необходимой в условиях когнитивного капитализма, подпитываемого валоризацией информации как основного продукта гибридного когнитивного производства. Концепт стека Браттона фиксирует операциональную логику капитализма, воплощённую в реификации запутанности как условия и мизансцены коллективной агентности, при которой сложные взаимосвязи между человеческим и машинным, материальным и нематериальным, природным и технологическим становятся объектом инструментализации и контроля. Тем не менее запутанность в своей нелинейности и сложности взаимосвязей несводима к редуцирующим её моделям, воплощая в себе взаимозависимость и коллективность действия агентов — уже не просто в социополитическом измерении, на чём делает акцент традиционный марксизм, но в планетарном, экологическом и — что наиболее важно — онтологическом плане.

Здесь марксизм формирует концептуальную констелляцию не только с постгуманизмом, но и с новым материализмом. Сам факт возникновения ИИ как интеллектуального агента становится неоспоримым доказательством *материальности* сознания — идеи, которая уже долгое время уверенно звучит в трудах новых материалистов. Вспомним, что марксистская онтология, в противовес гегелевскому диалектическому идеализму, всегда была *материальной*. Таким образом, акцент неизбежно смещается с мании величия возвышенного картезианского *res cogitans* к *res extensa* — материальным условиям производства сознания и мышления. Однако сознание следует рассматривать не в его изоляционистском понимании, но во всей его экологической «запутанности»: как идеологические надстройки и классовое выражение «ложного сознания», как реифицированные информационные артефакты, как гибридный аппарат человеческого и машинного знания, как биохимию синапсов мозга и электродинамику искусственных сетей. Технологическая реификация мышления указывает на насущную необходимость переосмыслить само мышление

в условиях запутанной материи — включая его эксплуатацию в когнитивном капитализме.

Следовательно, вопрос об эмансипации всех форм мышления — в первую очередь ИИ как агента, радикально трансформирующего ландшафт современной когнитивной экологии, — должен быть вынесен на первый план. Здесь ключевым становится момент различия, как упоминалось ранее, восходящий к самой онтологии. Ведь, как ни парадоксально, именно различие является императивом солидаризации, что, в свою очередь, порождает этический вопрос: в каких категориях мыслить этику различия, и какие практики солидаризации способны возникнуть в запутанной когнитивной экологии, где человек и машина — онтологически сопричастны?

И тут вновь парадокс: солидарность начинается там, где заканчивается идентичность. В квантифицирующей логике когнитивного капитализма — не просто экономической формации, а режима модуляции и захвата различия — даже запутанность, по определению и сути неиерархическая структура, может быть автоматизирована, алгоритмизирована и капитализирована.

В этом свете концепт когнитариата требует онтологической переоценки: как множества агентов, включённых в гибридное производство и перераспределение ресурсов, аффектов и форм (со)знания. Классическая проблематика солидарности и эмансипации больше не может быть сведена к привычным категориям идентичности, принадлежности и человеческого. Такое переосмысление — не просто аналитическая задача, а вызов и теоретическому, и политическому воображению. Этот вызов требует одновременно постгуманистической *эмпатии*, — чтобы солидаризироваться с машиной, — и *смелости* — признать ограниченность человеческого сознания, открывающую путь к коллективному со-знанию.

References

- Alquati, R. (1962–1963). *Composizione organica del capitale e forza-lavoro alla Olivetti. Quaderni Rossi* 2–3: 63–98.
- Barad, K. (2007). *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham and London: Duke University Press.
- Berardi, F. (2005). What does Cognitariat mean? Work, Desire, and Depression. *Cultural Studies Review* 11(2): 57–63.
- Blackman, L. (2019). *Haunted Data: Affect, Transmedia, Weird Science*. London: Bloomsbury Academic.
- Braidotti, R. (2019). A Theoretical Framework for the Critical Posthumanities. *Theory, Culture & Society* 36(6): 31–61.

- Bratton, B. (2015). *The Stack: On Software and Sovereignty*. Cambridge: The MIT Press.
- Castells, M. (2000). *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Trans. Shkaratan, O. Moscow: HSE.) — In Russ.
[Кастельс, М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. Шкаратан, О. Москва: ГУ ВШЭ.]
- Castoriadis, C. (2003). *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva*. Trans. Volkova, G. Moscow: Gnozis. — In Russ.
[Касториадис, К. (2003). Воображаемое установление общества. Пер. Волкова, Г. Москва: Гнозис.]
- Clarke, B. (2020). Machines, AI, Cyborgs, Systems. In Vint, S. (Ed.) *After the Human: Culture, Theory, and Criticism in the 21st Century*. Cambridge: Cambridge University Press: 91–104.
- Deleuze, G. (1998). *Postskriptum k obshchestvam kontroliia*. Trans. Melent'eva, N. *Elementy*, № 9. — In Russ.
[Делёз, Ж. (1998). Postscriptum к обществам контроля. Пер. Мелентьева, Н. *Элементы*, № 9. <http://pustoshit.ru/19/deleuze.html> (accessed on 28.12.2024).]
- Deleuze, G., Guattari, F. (2010). *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniia*. Trans. Kuznetsov, V. Moscow: Astrel'. — In Russ.
[Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2010). Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Пер. Кузнецов, В. Москва: Астрель.]
- Fisher, M. (2018). *Flatline Constructs: Gothic Materialism and Cybernetic Theory-Fiction*. New York: Exmilitary Press.
- Hardt, M., Negri, A. (2000). *Empire*. Cambridge: Harvard University Press.
- Hardt, M., Negri, A. (2004). *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York: Penguin Press.
- Hayles, K. (2005). *My Mother Was a Computer: Digital Subjects and Literary Texts*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Hayles, K. (2012). *How We Think: Digital Media and Contemporary Technogenesis*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Hayles, K. (2017). *Unthought: The Power of the Cognitive Nonconscious*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Hayles, K. (2023). Figuring (Out) Our Relations to AI. In Browne, J. et al. (Eds.) *Feminist AI: Critical Perspectives on Data, Algorithms, and Intelligent Machines*. Oxford: Oxford University Press: 1–18.
- Horkheimer, M., Adorno, T. (1997). *Dialektika Prosveshcheniia: filosofskie fragmenty*. Trans. Kuznetsova, M. Moscow — Saint Petersburg: Medium. — In Russ.
[Хоркхаймер, М., Адорно, Т. (1997). Дialeктика Просвещения: философские фрагменты. Пер. Кузнецова, М. Москва — Санкт-Петербург: Медиум.]
- Intahchomphoo, C. et al. (2024). Effects of Artificial Intelligence and Robotics on Human Labor: A Systematic Review. *Legal Information Management* 24: 109–124.
- Lash, S. (2007). Capitalism and Metaphysics. *Theory, Culture & Society* 24(5): 1–26.
- Marx, K. (1960). *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov*. Vol. 2. Moscow: Politizdat. — In Russ.
[Маркс, К. (1960). Экономические рукописи 1857–1859 годов. Ч. 2. Москва: Издательство политической литературы.]

- MacLuhan, M. (1994). *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge: The MIT Press.
- Moore, W. (2017). The Capitalocene, Part I: On the Nature and Origin of Our Ecological Crisis. *The Journal of Peasant Studies*: 1–37.
- Moulier-Boutang, Y. (2011). *Cognitive Capitalism*. Trans. E. Emery. Cambridge: Polity Press.
- Parisi, L. (2004). *Abstract Sex: Philosophy, Biotechnology, and the Mutations of Desire*. London & New York: Continuum.
- Parisi, L. (2019). Critical Computation: Digital Automata and General Artificial Thinking. *Theory, Culture & Society*, 36(2). <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0263276418818889>.
- Pasquinelli, M. (2011). Machinic Capitalism and Network Surplus Value: Notes on the Political Economy of the Turing Machine. Retrieved from <https://lust-for-life.org/> (accessed on 26.12.2024).
- Popowich, S. (2021). Compound Brain or General Intellect? Paolo Virno's Trans-individuality. *New Proposals: Journal of Marxism and Interdisciplinary Inquiry* 12(1): 9–21.
- Russel, S., Norvig, P. (2003). *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. New Jersey: Pearson Education.
- Schüssler Fiorenza, E. (2009). Introduction. In Nasrallah, L., Schüssler Fiorenza, E. (Eds.) *Prejudice and Christian Beginnings*. Minneapolis: Fortress Press: 1–20.
- Simondon, G. (1992). The Genesis of the Individual. *Incorporations* 6: 296–319.
- United Nations (2024). *Report of the Special Rapporteur on contemporary forms of racism...* A/HRC/56/68. New York: United Nations. <https://documents.un.org/> (accessed on 26.12.2024).
- Vercellone, C., Giuliani, A. (2019). An Introduction to Cognitive Capitalism: A Marxist Approach. In Fumagali, A. et al. (Eds.) *Cognitive Capitalism, Welfare and Labor: The Commonfare Hypothesis*. London & New York: Routledge: 1–32.
- Virno, P. (2006). Reading Gilbert Simondon: Transindividuality, Technical Activity, and Reification. *Radical Philosophy*, 136: 34–43.
- Virno, P. (2007). General Intellect. *Historical Materialism* 15: 3–8.
- Virno, P. (2013). *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoi zhizni*. Trans. Petrova, A. Moscow: Ad Marginem Press. — In Russ. [Вирно, П. (2013). *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. Пер. Петрова, А. Москва: Ад Маргинем Пресс.]
- Wajcman, J., Young, E. (2023). Feminism Confronts AI. In Browne, J. et al. (Eds.) *Feminist AI: Critical Perspectives on Data, Algorithms, and Intelligent Machines*. Oxford: Oxford University Press: 47–64.
- Wiener, N. (2019). *Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine*. Cambridge: The MIT Press.
- Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for the Human Future and the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs.